

В.Н. ТАТИЩЕВ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ МОСКВЫ В 1612 г.

Современные исследователи недостаточно используют исторический труд В.Н. Татищева применительно к событиям завершающего периода Смуты, при изучении Нижегородского ополчения, при описании боев под Москвой в 1612 г.¹ Основными источниками для Татищева были Новый летописец, сочинения П. Пясецкого, С. Кoberжицкого, С. Лубенского, С. Пуфендорфа и других авторов. Историк также использовал в своем труде семейные предания рода Татишевых и их родственников.

Особый интерес при изучении начала Нижегородского ополчения представляет речь Козьмы Минина, которую он произнес, *«придя в собрание граждан»*. Окончание этой речи в изложении Татищева, когда Минин призвал всех не пожалеть всего имущества, заложить дома, жен и детей ради спасения отечества, стало уже хрестоматийным. Здесь историк повторяет текст Нового летописца. Однако Татищев приводит довольно любопытное начало данной речи, где Минин дает характеристику общего положения в стране, жители которой могут легко попасть *«в вечное рабство поляков, шведов или татар»*, говорит *«об утеснении и разорении законов российских»* и православной веры. Далее Минин называет причины бедствия, постигшего страну – сначала великая зависть и безумие между главными государственными управителями, перешедшая в злобу и ненависть. Одни призывают на помощь польского короля, другие – шведского, третьи *«присягают вора́м, холопам, чернецам и всяким бездельникам, как государям, крест целуют»*. А кто-то хочет *«для своей скверной пользы даже татарского или турецкого правителя»*. В итоге, заключает Минин, поляки, шведы и татары страну полностью разорили, а воеводы, которые собрались освобождать Москву от поляков, собрав с городов немалые деньги, между собой не могут прийти в согласие, так как не имеют общего военачальника, друг на друга нападают и побивают. В конце своей речи Минин доводит до собравшихся жителей конкретную программу действий и тут же предлагает в качестве главного воеводы князя Дмитрия Пожарского. В этой речи Минина в изложении Татищева мы видим и взгляды самого историка, и некоторое сходство со «Сказанием» Авраамия Палицына, с Карамзинским хронографом, а также цитаты из документов той эпохи (грамоты троицких старцев, князя Д.М. Пожарского и др.).

Говоря о начале похода ополченцев в Ярославль, Татищев называет численность ополчения, выступившего из Нижнего Новгорода к Балахне, *«не более, как до 2000 человек»*. Интересны описание переговоров поляков с патриархом Гермогеном, сведения о конфликте атамана Заруцкого с князем Трубецким, который не хотел признавать государем сына Марины Мнишек, а также о дипломатичном ответе Пожарского Трубецкому и Заруцкому. Пожарский внешне не отказывался от соединения с казаками, стоящими под

Москвой, писал вождам ополчения, что он к ним придет на помощь, как только соберет запасы в Заволжье, после чего ополчение двинулось не к Москве, а к Ярославлю. Татищев более подробно, чем сказано в Новом летописце, повествует о переговорах Пожарского со шведами и новгородцами, при этом одним из главных советников Пожарского выступает князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. Другими участниками *«тайных советов»* историк называет князей И.Ф. Троекурова и И.А. Хованского, хотя общий совет Пожарский держал *«со всеми воеводами, которых было человек более десяти»*. Сведения о переговорах новгородцев со шведами Татищев взял из труда Петра Петрея, а о посольстве в Новгород Степана Лазаревича Татищева (своего прадеда) – из семейных преданий рода Татишевых. Из труда Татищева видно, что у Пожарского были серьезные намерения насчет кандидатуры шведского принца на русский престол в случае его своевременного прибытия в Россию и крещения в православную веру.

Сведения об отправке воевод против черкас в Антоньев монастырь, против казаков в Пошехонье и в Углич, а также о дальнейшем походе ополчения из Ярославля к Москве взяты в основном из Нового летописца. Говоря о бегстве атамана Заруцкого в Коломну и далее в Михайлов, Татищев пишет: *«польские и шведские историки сказывают, что он с Мариною венчался»*. Татищев подчеркивает, что между обоими ополчениями была рознь, потому что *«в казаках более всего беглых дворянских холопов и крестьян»*. Рассказывая о первом бое 22 августа, который продолжался в конном строю *«до третьего часа пополудни»*, историк называет трех казачьих атаманов, в критический момент пришедших на помощь Пожарскому (в Новом летописце дополнительно указан четвертый атаман – Макар Козлов).

Особый интерес представляет сюжет об изменнике Гришке Орлове, который ночью 23 августа провел в Кремль к полякам подкрепление и продовольствие, обманув караульных ополченцев. Из других документов известно, что Григорий Орлов имел вотчину в Лутосенском стане Дмитровского уезда (сельцо Новое или Ново-Покровское на реке Сестре). Внучка Г.Н. Орлова, Прасковья Федоровна, единственная наследница сельца Ново-Покровское, была замужем за Федором Алексеевичем Татишевым, родным дядей Василия Никитича. Прасковья Федоровна Орлова-Татищева была еще жива в первой половине XVIII в. Она и ее сыновья-близнецы в конце 1740-х гг. жили недалеко от села Болдино Клинского уезда, где В.Н. Татищев провел последние годы². Не стоит забывать, что прадед Василия Никитича С.Л. Татищев принимал участие в боях 22–24 августа. Поэтому семейные предания рода Татишевых и Орловых также можно назвать важным источником.

Согласно В.Н. Татищеву, в первой фазе боя 24 августа в Замоскворечье после неудачи в конных атаках гетман Ходкевич *«Трубецкого сбил и втоптал в Москву реку. Но Пожарский по принуждению товарищей его выручил, благодаря чему Трубецкой и его казаки сумели без больших потерь отступить в свой табор»*. Дальнейшее повествование о роли Авраамия Палицына и боях за Климентовский острожек дается по Новому летописцу.

Еще один интересный сюжет у Татищева связан с кульминацией боя 24 августа, когда отряд Минина, *«переплыв через реку выше поляков, в самой тихости подъехал близко к ним, внезапно напал, и оные две роты побежали к таборам»* (выделено нами. – Я. Р.). Таким образом, Минин с отрядом переправился несколько южнее расположения польских войск, а затем ударил не во фланг, а в тыл ничего не подозревавшим полякам. Предположительно место переправы отряда Минина находилось там же, где во время первого боя 22 августа переправлялись на другой берег четыре казачьих атамана вместе с дворянскими сотнями Пожарского, т. е. за Земляным валом.

По словам Татищева, после взятия 22 октября Китай-города в тот же день Пожарский, втайне от Трубецкого, вел переговоры с поляками о капитуляции, причем поляки настояли, чтобы они сдавались только Пожарскому. Получив согласие, поляки начали выпускать русских людей: *«Пожарский, не дав об этом знать Трубецкому, приступил к городу к Каменному мосту, где сначала бояре вышли со всеми русскими»*. После этого произошел конфликт между обоими ополчениями, едва не закончившийся трагически. В итоге вожди обоих ополчений после переговоров приняли компромиссное решение, чтобы полк Будилы сдавался Пожарскому, а полк Струся – Трубецкому.

Данное сочинение Татищева заслуживает внимания и одобрения, как первый подлинно научный труд, в котором автор выступает с исследовательских позиций, собирая факты из разных источников, критически оценивая, тщательно анализируя и обобщая их. Некоторые из этих документальных свидетельств не нашли отражения в трудах отечественных историков позднейшего времени.

Примечания:

¹ Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. Л., 1966. Т. 6. С. 356–364. Приводимые далее цитаты из этого сочинения выделены курсивом.

² Дмитровская десятина // Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР). 1911. Кн. 3. С. 293; Татищев С.С. Род Татищевых 1400–1900. Историко-генеалогическое исследование. СПб., 1900. С. 67–85.